

Михаил Генделев

ПЕРЕВЕРНУТЫЙ

СЕМИСВЕЧНИК

В нас прозвучит сосредоточьем
ночи
моление по меркнувшей звезде

"Из иудей в иудей"

I

О, музыка народа моего,
 напев болезненный, в несчастии признание,
 Плач скрипок местечковых свадеб-похорон,
 веселье где. Веселье,
 Беспощадный и надоевший, и привычно гневный
 взгляд Бога на изгоев всех сторон.
 Слепого Бога. Мир площадный,
 когда зрачком единым вперился погром,
 и ожиданье. Ожидание и страх
 за хрупкость жизненного равновесья.
 И робкая любовь, смиренье на руках.
 Зачем на это непохожий весь я
 В тебе, о, музыка народа моего!

2

Как будто все еще вчера, что страшно мне к утру.
 То разгоралась менора, то тихла на ветру.
 И расцветали от пламени,
 от иноземных роз,
 протянутый к убийству клен
 и косточки берез.
 И корчило стволы осин
 под сморщенной корой.
 И всей Вселенной блудный сын стоял пред менорой.

 И занимался дикий сад от огоньков свечей.
 Взлетая, падали назад угли его грачей.
 За ветром черный дым летел, но прилетал назад.
 В немое пламя я глядел,
 не отводя глаза.
 Душа ожженная болит — зола нагих куши.
 Я не молился. Для молитв
 я слов не накопил.
 И слов не будет для молитв.

 С утра и до утра
 среди мертвой выжженной земли мерзает менора.

3

Все равно, все одно — ты изгой.
Не просись, примиришь. Ты — другой.

Не смуглое твой хлеб, не белей —
слезы слаще твои, дуралей.

Были игры твои — чета!
А кругом обводилась черта.
И болело ангиной окно.

Мама, мамо... такое кино.

Мы тяжелой кровью больны.
Под ресницами ночи черны.

Слышишь? Лыдины ломает река.
Не кричи.

...Все равно на своем горбу
Через жизнь переносишь судьбу.
Переносишь по корочке льда —

Уронить — не рискнешь никогда!

Все равно. Только вдруг на ледке
пританцуй, оттанцуй налегке!

Там под тонкою кожей льда...

Дуралей, ну куда ж ты, куда?!

Там под скользкою корочкой льда
всех, как ночь, принимает вода.

4

Ни славы, ни злобы,
Ни слова от века!
Ты вздоху подобна —
Ребечка!

Со страстью не сладить,
О, высшая сладость —

Твоими перстами
морщины разгладить,
Ребекка!

Ведь нас не рожали —
лепили из глины.
а в крепости красной
кричат в рavelинах
закатов моих золотые павлины,
Ребекка.

Ребекка, боюсь ли я смерти — не знаю,
без сердца — не воин еще, не калека!
Ребекка, я губы твои забываю,
Ребекка!

На лбу наливаются гневные жилы —
смотри — это руки чужие, Ребекка,
смотри — это тело остыло от жизни, Ребекка,
Ребекка!

Восходит лицо твое в траурном нимбе,
В беззвездном низком изгнания небе,
Ребекка, моя недозванная гибель,
Ребекка!

Ты смертью была, а явилась любовью —
обманная плоть дочерей человека —
смущенный стою Мариаи, пред тобой —
Ребекка!

5

Куст семисвечника с огнями желтых роз
увял во тьме.
Разинут горя рот.

Дыханье треплет ветхие обноски
огней и дней.

Эй! Слышишь праздников печальных отголоски...
устало от металла серебро,
и время ночи оплывает воском.
Смэйн!

Ты слышишь?! Почему же слышишь ты?!
Ты слышишь?! — там в ночи растут кусты,

Растут кресты!

ты слышишь, мудей?

Кресты растут из старой книги, где

пески страниц и буквы колесниц
завоевателей.

Речетатив печали:

Все время вынало вчера... Из пыли лая
Как горе мертвых, мертвых, как страниц
повествованье плача
по Гедалии.

6

В городе поэзии, в городе вранья —
жизнь моя — пташка седая моя.

Или живу или снова живу.

К детству прибился, ко сну наяву.

Словно бы, словно бы снег пролетал.
Сизые стенки. Еврейский квартал.

Словно бы... Слова бы! Губы сухи.
Белые, с ржавчиной опресноки.

Я не состарюсь. Успел неуспеть.
Снесью делиться, как мертвому петь.

Гневом делиться — как плакать во сне.
Гоно явить — только тень на стене.

Ночь моя, ночь, унеси зеркала.
Нет доброты — потому же нет зла.

Ненависть — братец побочной любви.
Чем не делись — отраженья свои.

К детству прибился, прижался, затих.
Медный подсвечник горит до шести.

Или рассвет направляет бельмо.
Или рассвет, или время само.

Сизые стены. Еврейский квартал.
Ангел, наверное, не пролетал.

Бог позабыл. -- Позабавься собой.
Или любить. Если -- это любовь.

А над Россией заговор звезд,
переметались. Я сердце отвез
жить среди прочих, сбиваясь на ритм,
только о чем говорить.

Слова бы! Снова бы слова в горсти.
Грязи от них, бывших, не разгрести.

По близине вялый абрис руки.
Снежные, с ржавчиной, опресноки.

7

Хрипло рыдает павлин золотой
над Галаадой.

Время нарвало под коркой земли
под небесами.

Пьяное черной балтийской водой
время заката --

Это распад полыхает вдали
ста голосами.

Это размененный медью народ
жить не желает.

Это от знания кровь устают
дрякляя, злая.

Это закат, падает век
над головами.

Много ли смысла в смежении век?
Ярко ли пламя?..

Как на колени, кидалась на крик
бывшая гордость.

Это закат мне лицо опалил —
в горсти прохлады!

Голос, как верой мне Бог отдал —
сорвано горло —

Хрипло рыдает веселый павлин
над Галаадой.